

«ВО ГЛУБИНЕ ХОЛОДНОГО СМЕХА...»

Сатирический театр «Язавац» из Загреба показал москвичам два спектакля — гоголевскую «Женитьбу» и пьесу организатора и художественного руководителя этого самобытного коллектива (единственного в Югославии сатирического театра), известного драматурга и прозаика Фадила Хаджича «Господа и товарищи».

«Язавац» существует вот уже двадцать четыре года, спектакли играют на трех сценах, одна из которых отдана политико-сатирическому кабаре. «Язавац» проповедует «любовь враждебным словом отрицания» — не боясь плакатности, резких разграничений характеров, избегая полutoнов и психологических нюансов, театр выдвигает свою эстетику, схожую, как представляется, с эстетикой советского сатирического театра 20—30-х годов. И особенно характерен в этом смысле спектакль «Господа и товарищи».

История о том, как домработница Андже́ла (эта роль блистательно сыграла Ниной Эрак) с помощью полученных в вечерней школе знаний по основам марксистско-ленинской науки перевоспитывает своих хозяев — Эдо (Борис Бузанчич) и Элвиру (Зденка Херман) Дворских, аристократическое происхождение которых, как им представляется, дает некие привилегии (исключительно внутренне, для самооощения), — не только смешна, но по-своему и грустна.

На первый взгляд нет ничего принципиально нового и захватывающего в том, что

деревенская девушка говорит почти исключительно лозунгами и невольно провоцирует к тому же своих хозяев, вынужденных в целях обороны от «дежурного коммуниста» обратиться к трудам классиков. Однако не так давно узнали и мы по-настоящему своих «господ» и «товарищей» в «Самоубийце» Н. Эрдмана, в новых прочтениях «Собачьего сердца» М. Булгакова и «Бани» В. Маяковского, предложенных Тюзом и ЦДТ, в публикуемой после долгого молчания драматургии С. Третьякова. И оказалось вдруг, что почти всякое хорошо забытое старое являет собой пусть не до конца, но все же — новое. То новое, что становится поучительным и для нынешних поколений — словно предупреждающий знак.

Андже́ла ощутила себя человеком, равным с представителями аристократической элиты: она может подойти к ним с твердым рукопожатием и словом «товарищ», но элита не всегда охотно принимает протянутую руку.

Постановщик спектакля, известный не только в Югославии, но и за ее пределами режиссер Георгий Паро, и артисты театра проявляют поистине удивительную стойкость в сценическом рисунке — соблазнительно и не так уж сложно было сбиться на идиллическую интонацию в изображении, например, «последнего крестьянина» — отца Анджели (Фране Пейкович), явившегося, словно гром с ясного неба, в город, чтобы забрать дочь. «Кто вас кормит будет?» — сурово

вопрошает он ошеломленное семейство Дворских, лишь начинающее по-настоящему постигать классовые отношения бесклассового общества.

А в финале этого веселого спектакля появятся Андже́ла и влюбленный в нее милиционер (Душан Груборович) в национальных одеждах, с мотыгой и снопом, и над их чуть лукаво улыбающимися лицами старый крестьянин поднимет плакат: «Бесконечно». И мысль наша снова вернется к нашему наследию 20—30-х годов, к яркому, сатирически-плакатному, хотя и чуть примитивному с сегодняшней точки зрения искусству — может быть, и оно «бесконечно»?..

Однако неверным было бы свести всю эстетику театра «Язавац» к плакатности и одномерности. Совершенно по иному принципу строится сценическое повествование в «Женитьбе».

Белые стены, белый задник, женская фигура в белом, белые обрывки материи разбросаны по полу. Группа серых сюртуков, даже и не сюртуков, а каких-то странных одежд, серое бесформенное одеяние Агафьи Тихоновны... На этом пространстве, лишенном предметности, конкретности, и разворачивается так хорошо знакомая нам комедия Гоголя. Поначалу условность «места действия» немного мешает восприятию, но постепенно, ненавязчиво режиссер Петар Вечек и артисты вводят зрителя в рамки вполне определенного замысла. Они говорят об одиноких и несчастных, слабых, смешных и не-

далеких людях, каждый из которых имеет право на счастье. Мысль Гоголя, мысль Достоевского — мысль всей русской литературы прошлого века о маленьком человеке прочувствована театром и донесена до нас бережно и чисто.

Не случайно спектакль начинается словами Яичницы (Сабрия Бисер) о том, как неприятно человеку в дождливую погоду ощущать свое одиночество, которые подхватывает Жевакин (Дарко Стазич). Признания незадачливых женихов, собранных свахой Феклой Ивановой (Нина Эрак) в доме Агафьи Тихоновны (Элизабета Кукич), вынесенные своеобразным эпиграфом к спектаклю, становятся той самостоятельной стихией, атмосферой, которая в соединении с чуть слышной, запоминающейся и печальной мелодией живет на сцене и в зале вопреки смеху. И остается надолго в памяти эта утаскающая мелодия, словно прикосновение — осторожное, мягкое — к каким-то душевным глубинам...

Театр из Загреба продемонстрировал, кроме прочего, блистательный актерский ансамбль, в котором трудно даже выделить отдельных исполнителей, вспомним ли мы о Нине Эрак или Элизабете Кукич, о Желько Конишкнехте (Ночнарев) или Младене Црнобрне (Степан). Главное же видится в том, что «Язавац», несомненно, нашел друзей и почитателей в нашей стране, ибо эстетика этого коллектива опирается на близкие нам всем слова Н. В. Гоголя о том, что «во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. И почему знать — может быть, будет признано потом всеми... кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..»

Н. СТАРОСЕЛЬСКАЯ.